

Побег - тропа сопротивления

(По страницам повести «И на берег вытащен к счастью» 1999)

Вчера я принял твёрдое решение: я бегу из этой зоны, или, как её называют, колонии. Я не могу сидеть здесь и ждать когда придут наши советские войска. Как и все пацаны в колонии я знаю - наши недалеко. В этом году Одессу освободят обязательно. Но никто не знает, что сделают с нами, заключёнными в колонии пацанами, перед отступлением. Тем более, что в колонии немало мальчишек-евреев. В том числе и я. Мы наслышаны по пацанской почте, как фашисты отступают из городов и сёл и что остаётся после них.

Не я один собираюсь бежать. Чуть не каждый день - побег. Наши тюремщики - румынские гардияны - совсем сбились с ног в попытках ловить сбежавших. И ловят, и бьют пойманных беспощадно. А последнее время совсем озверели: С тех пор, как сменилось начальство и нас одели в синюю робу начальство придумало меру: если пацан сбежит и его не поймают, дежурный гардиян платит за робу. Начальство с рядовыми охранниками не церемонится: Может обматерить и в морду дать. Такие у них порядки. Ну, охрана так же обращается с нами, пацанами.

Мы строим какой-то объект. И потихоньку смеёмся: зачем мамалыжники что-то строят. Всё равно наши придут и вышибут их отсюда.

Колония располагается в бывшем доме инвалидов между 14-ой и 16-ой станциями Большефонтанской трамвайной линии. Чуть дальше, параллельно, проходит ещё одна трамвайная линия на Люстдорф. Пацаны, если бегут, стараются попасть на трамвай и смыться в город. Гардияны узнали про этот приём и стали контролировать обе линии. Синяя роба сразу пацанов выдавала. В колонии 6 основных двухэтажных корпусов. Два ряда по три дома в ряду. Окнами смотрят во двор. В двух домах мы, пацаны, хулиганы, воришки, попрошайки, жида, цыгане и прочая «шушера», от которой румынская власть пыталась очистить город. Напротив дома охраны. Ещё есть кухня, хозблок, сад, какие-то постройки. Вся зона окружена колючей проволокой.

В эту зону я попал где-то в середине 1943 года. Первоначально я числился жидёнком, но судя по обращению со мной, недоказанным. Благо на мне не было традиционных еврейских признаков. И, кроме того, до колонии я целый год находился в спецприёмнике на 6-ой станции Большого Фонтана. Значит был проверенным. Но поймали меня не только на воровстве, но и заподозрили в еврейском происхождении и придуманной биографии. Так я очутился в этой зоне, где воры, попрошайки и жиденята смешались в одну нечистую компанию. Тогда еще зона охранялась штатскими охранниками. До зоны я прошел тюрьму, гетто, спецприют, несколько полицейских участков, и школу квалифицированного бродяги завершила улица и зона. Нет, я уже не беспомощный 11-летний пацан, каким был в начале оккупации города фашистами. Я опытный уличный пацан. Меня всё время хотели уничтожить за то, что я еврей. Я не понимал этого раньше и

не понимаю сейчас. У меня одно средство сопротивления и защиты - побег. Бежать я решил с рассветом в понедельник, когда охрана будет дрыхнуть после воскресной пьянки. Решено. Этот побег - последний. Я перебираю в памяти свои неудачи.

Первый побег из зоны

Наша группа работала на строительстве сарая. Понадобился топор. Топора не оказалось. Надо бежать в хоз-блок. Далеко за угол. Наш охранник дремлет с винтовкой между колен. Его будят, он кивает на меня. Я бегу за топором. При входе в хоз-блок винтовая лестница выше забора. Бросаю топор под ноги, взлетаю по винтовой лестнице наверх, перепрыгиваю через перила... зацепился одеждой, лечу через забор. Мягкий удар... вскакиваю... на меня наклонив рогатую голову смотрит здоровенный козёл. Спасибо, козочка... я цел и на свободе.

Здесь, на свободе, надо как-то выживать, болтаться по улицам, по базарам, высматривая какую-нибудь добычу. Выбирать место для ночлега в каких-то грязных квартирах в повалку с пацанами или идти в город, искать старых знакомых нашей семьи и просить помощи. А это совсем даже не безопасно для них и неловко для меня. Выбираю привокзальную и базарную суету. В саду около вокзала всегда собирается блатная и приблатнённая публика, бродяги, попрошайки, проститутки. Здесь всегда можно встретить своих пацанов и корешей по зоне.

В этот первый побег я сразу нашёл своих. Первым попался на глаза «Старуха». Так его прозвали за маленький рост и морщинистую веснушчатую мордочку. Он ещё в зоне учил меня понтовать, делать жалобную рожу и бляеть про голод и несчастья. Правда, классным попрошайкой я не стал: не понравилось. Но нас со Старухой связало приключение: Мы вместе на Новом базаре «стырили» мешок с воза, не зная, что в мешке. И попались. Нам повезло: на крики баб появились румынские жандармы и не дали мужикам-селянам нас отметелить. Мы оказались в полицейском участке на Градоначальницкой улице. Я бывал уже в этом участке и чувствовал себя уверенно. Нас заперли на открытом всем ветрам балконе. Ни воды, ни куска хлеба не дали и забыли про нас. Дело шло к ночи, темнело и мы мёрзли на балконе. Но прыгать с балкона было страшно: до земли 3,5 - 4 метра и внизу кусты. Выбора нет, прыгаем с балкона... сдавленный писк, треск кустов и мы ободранные прыгаем в темноту. Всё обошлось. Разбегаемся по хатам. Утром, как на работу, бегу к вокзалу.

Встречаю старого кореша. Зовут Золото. Кто его так назвал - не знаю и он не говорит. В зоне он бывал не раз. Это он учил меня блатному ремеслу. Однажды он позвал меня в летнее кафе в городском саду. Денег у меня не было, но Золото показал мне полмарки. Он придирчиво выбирал столик. Сели. Он заказал бутылку кефира на двоих. По его команде я придержал клеёнку на столе, а Золото выдернул из-под клеёнки скатерть. Так он учил меня «не быть лопухом» в любой ситуации. Он считал себя умудрённым блатным: ему было 16 лет. Но однажды он втянул меня в «дело», окончившееся почти смешно. Ночью мы вскрыли один из складов на Привозе, причём готовили это «дело» заранее, вели наблюдение за охраной. Когда же ночью проникли в склад, там оказалась только одна большая круглая корзина, наполненная яйцами. Золото долго ругал себя за ошибку. Но всё-таки мы набили торбы яйцами, прилично измазавшись в желтке. Утром мы оптом, по

дешёвке, «забили» все яйца здесь же на Привозе. Поймать нас было проще простого, но румынские полицаи не слишком усердно несли службу.

В вокзальной суете быстро летит время. Толкусь здесь с пацанами. Участвую в мелких воровских «делишках», обеспечивая себе пропитание. Иногда я хожу в город. Забегаю к старым знакомым нашей семьи (естественно, не евреям). Несмотря на опасность, многие меня принимают хорошо, кормят, приводят в порядок мою одежду, иногда предлагают переночевать. Я стараюсь не подвергать их опасности и чаще отказываюсь. Они всё ещё считают меня довоенным приличным мальчи-ком, не имея понятия о моих «делах». Однажды ко мне подходит Толян (а проще - Толик) маленький «вождь» пацанов, группирующихся по признаку пребывания в нашей колонии.

- Пойдешь с нами «молотить дело». Спрашиваю, что за дело. Намечается ночью вскрыть железнодорожный вагон, стоящий на путях, обрезать с диванов отделку. Мне не очень нравится это дело, но отказаться не могу. Я же «вор». Могут за отказ морду набить. Первый союзник (кореш) Толяна крутой пацан Венерик. Ему 16 лет. Считает себя блатным. «Ботает» только «по фене». Не знающих блатного языка презирает. Я стараюсь с ним подружиться. Ему нужны лезвия для вечерней операции, но они, по случаю, есть у меня. Я даю два лезвия Венерику. Он сортирует их и как-то особенно, сквозь зубы, говорит, пришептывая: Одно для тешофок, другое для портоф - так я узнаю, что Венерик карманник и к тому же, оказывается, еврей.

План простой: Толян и Венерик открывают вагон. Дают нам сигнал. Мы вбегаем, обрезаем бархат с диванов и смыаемся. Толян и Венерик уходят. Мы прижались к забору. Ждём сигнала. Нас человек шесть - семь.

Патруль вырос как из-под земли.

Объяснения не помогают. Клацнув затворами, нас ведут на вокзал и сдают охране. Запирают в холодное большое помещение. Хлеба не дают, воды не дают, но, спасибо, не бьют морду.

Утром нас собирают, на смешанном языке объясняют, чтобы мы вели себя смиренно, как арестованные, и ведут... в колонию. Господи, ну откуда они знают про неё?! Пацанам легче. Они сбежали до захвата зоны гардиянами, другие вообще попадут туда впервые. Я же единственный, кто сбежал из-под стражи. Мне не поздоровится.

...Колония встречает нас диким воплем пацанов. В комнату влетает «мой» гардиан. Бросается на меня как дикий пёс: от первого удара я получаю фингал под глазом. Тут же падаю и сворачиваюсь. Он долго тычет в меня сапогами, а я нарочно ору так, будто меня убивают. Вбегают офицер и битьё прекращается.

Так неудачно и грустно закончился этот побег. Я вспоминаю о нём как о неудаче, а не моей ошибке. Меня оставили в покое и скоро о побеге забыли. Я опять работаю на стройке. И обдумываю план следующего побега.

Второй побег из зоны

Работаю под началом взрослых. Мастера у нас все из тюрьмы: «партизаны», «большевики», уголовники, спекулянты. Поиски жидов отошли на второй план. Я получаю приказ подняться на крышу бани и помогать перекладывать черепицу.

Баня высокая, с двухскатной крышей, стоит вдоль забора. Фасад смотрит на задний двор, а задняя стена совпадает с забором. Если перебраться через конек крыши, то тебя уже не видно со двора. Ты вроде уже за забором.

Мой мастер - усатый разговорчивый хохол. Стучит по крыше и всё время говорит. Наконец ему что-то нужно и он спускается по лестнице вниз. Мне жаль, если у него из-за меня будут неприятности. Но выбора нет. Переваливаюсь через конек крыши, сползаю к её краю и в мгновенном страхе хватаюсь за край черепицы. Вишу одно мгновение на высоте... свист в ушах и удар. В глазах всё померкло. Но чувство опасности возвращает сознание через 1 - 2 секунды. Оказывается, я попал ногами в мелкую канавку и резко стукнулся задницей о землю.

На поле женщины, они машут мне и кричат.

- Мальчик, мальчик, беги не в кукурузу, а в посадки. Беги скорее - беги, что есть мочи.

Кусты, деревья. Я уже далеко. Сзади слышу глухие одиночные выстрелы. Если это в меня, то уже поздно. Скорее всего гордяны стреляют куда попало, чтобы оправдаться перед начальником и поугагать оставшихся пацанов.

Я опять на воле!

И опять надо выбирать, может быть всё-таки вернуть себе облик «мальчика из интеллигентной семьи»? Пойти к тем из наших друзей, кто готов дать мне крышу и оказать помощь.

Или же снова искать вольную шпану, пацанов и делить с ними «удобства» улиц и базаров?

Выбираю второе. Вернуться к старому всегда успею.

К вечеру у вокзала вновь встречаю своих «корешей»: Толяна, Венерика, Старуху... Ничего не изменилось. Пацаны оценили мою удачу с побегом.

Идём на первое дело. В будке на привозе на краю козырька висят башмаки. Подхожу с края. Задаю дурацкие вопросы. Хозяйка поворачивается ко мне... Венерик мгновенно лезвием «срубил» ботинки и передал их Толяну. Толяна и след простыл. Тетка орёт: «Он, он» - но Венерик в удивлении разводит пустыми руками. Догадавшись о моей роли, хозяйка поворачивается в мою сторону, но меня уже там нет.

Ботиночки «забили» за приличные деньги. Все они в кармане у Толяна. Он не только самый старший, но и самый ушлый.

Гуляем! В «бодэге» на Преображенской улице хозяйка смотрит на меня с сожалением. Но всё же наливает, как и Толяну, как и Венерику, полный стакан.

Очнулся я на пляже в Аркадии. У моих корешей озабоченные морды.

- Слава богу, очухался! Думал, что ты уже - труп! Толян искренне рад, что я жив. Венерик демонстративно презрительно цвиркает слюной на песок.

Раньше он презирал меня за то, что я плохо «ботаю» на блатном языке, теперь же ещё и за то, что чуть не сыграл в ящик из-за стакана водки. Хрен с ним. Зашло солнце. На пляже холодно. Венерик ушел «на малину» ночевать. Толян идти не захотел.

- Ну их, к ним попади в руки. Будешь у них век шестерить.

Ночуем в Доте на углу Преображенской и Херсонской.

Толян научил меня спать вдвоем валетом, согнувшись в коленях так, чтобы голова каждого лежала на коленях другого.

Утром нас метлой вышибает дворник.

- Проходимцы, суки, шпана паршивая! Вы еще поспите здесь. А мне потом убирать и отвечать за вас! Как вас патруль не забрал. Каждую ночь проверяют, а тут не заметили - он ещё долго орал как резанный.

Толян презрительно сплюнул:

- Пойдем отсюда. Поедим, пока марки есть. А Дотов в городе много.

Действительно, таких Дотов в городе множество. Они были построены в блокаду на случай уличных боев. Румыны не стали их разрушать. Более того, поддерживали и укрепляли. Видно, боялись советского десанта.

Как порядочные идём завтракать. По пути я рассказываю Толяну про «фокус» со скатертью, который провернул «Золото». Толян останавливается и хлопает себя по лбу.

- Это же классная идея!

И мы выбрали подходящий столик в уличной обжорке у Городского сада.

Пока выпили две бутылки кефира, за пазухой Толяна оказалась приличная скатерка. На соседней улице он отдает ее мне.

- На, забей, возьми себе деньги. Я ухожу до ночи, а может быть и до завтра. Встретимся у вокзала.

Я ошарашен и оскорблен. Ни с того, ни с сего бросить меня одного посреди города! Ну и кореш!

Толян видит мою обиду и раскалывается.

Оказывается, у него есть дом. Квартира с кухней, ванной и балконом. Но дома что-то произошло. Отца нет давно, а мать, похоже, живет с немцем. Вот Толян и ушел в беспризорники и строит из себя блатного. Это ему удаётся. Он умный, ловкий и не трус.

Я помню, как в загон привезли больших пацанов. Новички пытались сбросить Толяна с «королей». Но он не сдрейфил и отстоял свой авторитет. И драки большой не было. Новички его зауважали. И хотя он ушлый, пацанами пользуется как шестёрками - мне он нравится. Он не заразился антижидовской болезнью.

Толян ушел, а я один бреду по знакомым улицам.

Я один. Вечер. Где ночевать?

Что меня понесло на Новый базар? Судьба.

Брожу между опустевшими торговыми рядами. Наконец нахожу открытую будку. Устраиваюсь на ночь. Ночью меня поднимает патруль. Ведут в полицию. Недалеко, на углу Херсонской и Конной улиц, напротив театра. В подвале группа взрослых мужиков. Похоже, они попались за пьянство. Как я понял, все они с Нового базара. Пьют. Им очень хочется воды с похмелья, но они не решаются попросить ночью.

Нашелся для них выход: они поручают это мне.

- Пацан, попроси у часового воды, тебе не откажут.

И я, наивный пацан, настойчиво стучу в дверь. Слышу тяжелые шаги и ругань. Ну, какой у меня язык? Я знал самые простые, необходимые румынские слова. Поэтому, не применяя никаких вежливых выражений, кричу часовому порумынски: Вода нужна! И просовываю в квадратное окошечко зеленую литровую бутылку. Хорошую, тяжелую литровую бутылку с крепким дном.

Наверное, часовой был взбешен тем, что его разбудили ночью, да ещё и потребовали воды совсем даже не в вежливой форме. Сила у часового была.

Бутылка, как снаряд, влетела обратно, ударив меня в лицо. Показалось, в меня выстрелили. Слышу треск собственных зубов, звон разбившейся о мое лицо бутылки и ругань часового. Сквозь туман вижу огромного румына, влетевшего в камеру. Он хватает меня за рубаху. Она с треском лопаётся, я оказываюсь брошенным на нары. До утра я как в бреду. Рот полон соленой жижи. С лица течет кровь. Никто не подходит. Мерзавцы, втавившие меня в историю, посмеиваются. Забываюсь к утру.

Но тут опять подъем. Нас ведут к комиссару. Увидев меня, комиссар возмущенно говорит своим жандармам, что бить детей нехорошо. Оказывается, и в полиции есть нормальные люди.

Пьяниц выгоняют, предварительно стукнув по голове толстой книгой и дав пинок под зад. Мне назначают сопровождающих и везут в колонию.

Везут еле живого два полица в трамвае, потом на попутной телеге. Зона встречает меня хмуро. Гардияны и пацаны сбежались посмотреть на то, что от меня осталось. Обошлось без мордобоя. Видимо все увидели, что я «награждён» более чем достаточно. Никакой медицинской помощи. Просто уложили в кровать в отдельном чулане и поручили дежурному гардиану присматривать за мной. Так грустно закончился мой второй побег из этой зоны.

Лежу, жалею себя и клянусь себе сбежать опять и не попадаться. Лежу один, только наша добрая повариха Нюра пытается кормить меня ложечкой. Увидев, что я не могу есть изувеченным ртом, она привела незнакомую мягкую, добрую женщину, видимо сестру или врача. Без всяких лекарств, с одним блестящим инструментом она освободила рот от остатков передних зубов, несмотря на мои стоны и слёзы. Я, наконец, смог что-то есть с ложечки.

Никто из охраны меня не беспокоит. Я имею полную возможность перебирать в памяти события и тяжело переживать свои неудачи.

Тревожное эхо тюрьмы

В памяти оживают картинки совсем еще недалекого прошлого.

Наш красивый трёхэтажный дом на улице Кузнечной. Сначала большая двухкомнатная квартира. Мама - домохозяйка, папа большой, сильный, брат Лёнчик, старше меня на 6 лет, а мне только 7. И вдруг всё кончилось: 1937 год, папа исчез, нас выселили из квартиры. Потом война, в дом попали две бомбы. А ещё позже, когда мне было уже 11,5 лет, пришли немцы и румыны и мы оказались в тюрьме. Я никак не мог понять, чем мы евреи отличаемся от других. Маму, тётю Голду, бабушку Зину погнали из тюрьмы в село Дальник и там убили. А я и Лёнчик попали в рабочую команду. И я не понимал, за что убивают евреев. Но стал прислушиваться и узнал, что евреи жадные, любят деньги, всех обманывают и к тому же трусливые. Мне было очень плохо от этих дум. Вот так это было. Работали мы целый день: Сносили в склад награбленное у евреев барахло и хорошие вещи. А евреи в тюрьму всё пребывали. Тысячи. В тюрьме страшнее

голода нас мучила жажда. На всю тюрьму один колодец. А в тюрьме тысячи людей. И тысячи детей. Мы подходим к колодцу.

Огромная толпа колышется в диком танце. Вправо-влево, назад-вперед над толпой взлетают руки с чайниками, ведрами и кружками. Гул толпы взрывают вопли раздавленных людей. Несколько солдат на лошадях врезаются в толпу, орудуя резиновыми дубинками. Под их ударами люди падают замертво. Трупы оттаскивают и складывают в стороне. Под ногами грязь и вода, люди скользят и падают. Кто упал - уже не встает. Счастливчиков, набравших воду, не видно. Даже если кому-нибудь удастся зачерпнуть ее из колодца, как он пронесет воду сквозь эту толпу!

- Лёньчик, не ходи туда. Пойдем отсюда.

- Лёнчик, не ходи

- Да, там водой не разживешься. Но что мы будем пить?

- Лёньчик, я не хочу воды, пойдем отсюда. Я не хочу!

Я крепко держу брата за руку. Я его ни за что не пушу в эту мясорубку!

- Шо ты кричишь, малец? На, пей!

Перед нами стоит огромный дядька. В руках у него ведро, полное воды. Неужели он не шутит? Пробиться сквозь эту толпу и предлагать воду просто так!

- Пей, пей! Мне не жаль. Я могу ишо достать. Меня не стопчут. Хады, они нас пхают кобылами в морду. Пусть бы он мне попался где-нибудь на Дальницкой!

Действительно, если бы румын попался в руки такому дядьке... Он на голову выше Лёньки. У него широченное лицо с толстым мясистым носом и квадратным подбородком. В прищуренных глазах бушует ярость. Руки сжаты в кулаки, величиной едва ли не с мою голову. На нем короткое зимнее полупальто и серые парусиновые брюки. Весь он еще живет дракой, борьбой за воду. Настоящий биндюжник!

Я смотрю на него, не отрывая губ от края ведра.

— Пейте, пацаны! Мы им, хадам, это вспомним, только вискочим отсюда. Это я вам говорю, Абрам Фрумкин.

Я пью и ничего не вижу. Только воду. Я чувствую, как меня окружают люди: женщины, старухи, крошечные дети. Они тянут к ведру кружки, консервные банки, стаканы и даже детские песочные формочки.

— Воды! Немного воды! Водички! Капельку водички!

Вода льется из ведра в кружки, банки и детские пригоршни. Волосатые руки на ведре побелели от напряжения. Если бы они попались ему на Дальницкой! Он полон ярости.

— Ничего, пацаны, еще повоюем, тут мне не шлепнут, пусть только за стену выведут. Это чтобы нас в нашей Одессе мурдовать какой-то шантрапе! Деток давить наших! Ах, ты, падла! Нет, пацаны, мы им это вспомним. Живите, пацаны, не поддавайтесь!

Чтоб эти мусорники нашу Россию взяли! Да хрен им в зубы! Пацаны, им Россию не одолеть и никому не одолеть, значит, и нас не одолеть. Все равно мы - Россия. Драпайте отсюда!

Милый Абрам Фрумкии! Я конечно не точно запомнил твою фамилию. И слова возможно не эти. Но смысл твоих слов, твой образ сильного человека мне не забыть никогда. Это ты вдохнул в нас энергию и желание защищать свою жизнь.

Лёнчик и я решили не ждать, пока нас здесь «прихлопнут».

Придёт время и мы отомстим фашистам. И прежде всего мы убежим из тюрьмы. И люди убедятся, что мы не трусы. И мы убежали. Лёнчик ушел в город с бригадой по разборке баррикад и сбежал. Я с помощью милых, добрых и главное красивых еврейских женщин, запудривших мозги охранникам, сбежал прямо из главного входа в тюрьму. Придёт время и я расскажу об этом удивительном побеге.

И сейчас я лежу, жутко страдаю от боли во рту, но горжусь тем, что мы поступили как учил нас Абрам Фрумкин. Мои воспоминания прерываются приходом поварахи Нюры и доброй медицинской сестры. Они осматривают меня, кормят ложечкой и рассказывают новости. Оказывается, пока я лежал в колонии, произошли изменения. Прежде всего мне приказали встать и идти на работу со всеми вместе.

Узнал, что на днях приезжали важные толстые румыны и самый главный приказал с окон решётки снять. Сменили начальника. Вместо офицера поставили худенького придурка с гитлеровскими усиками. О таких в Одессе говорят «ферт». Побегу участились, но благодаря синей одежде пацанов ловили и били «смертным боем».

Третий побег из зоны

Я обдумал свой «оригинальный» план побега так, чтобы миновать трамвайные пути и все дороги, идущие от нашей зоны в город. Толчком к побегу послужил полученный штрафной приказ чистить солдатский туалет. Ну, уж нет! Решился. Я уже не тот, что был в 11,5 лет. У меня есть гордость. Солдатским дерьмом я заниматься не буду.

Время определилось. Бегу в ближайший понедельник на заре. На окнах нет решеток, но гордияны специально заставили окна высокими шкафами. Окна высокие, стрельчатые, Над шкафами маленькое отверстие. Но пролезть можно. В один день со мной решил бежать «Деревня» - высокий простоватый парень, вечно донимаемый приклатненными пацанами за деревенское происхождение и такой же образ поведения.

Совместный побег с ним - совпадение. Рассчитывать на него как на товарища я не мог. Понимал, что в случае провала - он мне не помощник.

Встали мы, когда чуть рассвело. Открыли узкое оконце, я в него пролез еле-еле. А Деревня протискивался с хрипом. Вплотную прижавшись к приставленному шкафу, пролезли в промежуток между верхом оконного проема и чуть более низкой крышкой шкафа.

Со шкафа спрыгнули на землю.

И тут-то срабатывает разница между Деревней и мной. Высокий, он подпрыгнул, укатился за верх забора и перемахнул через него. Я же, как воробей, подпрыгиваю около забора. Окна корпуса, где спали гардияны, смотрят прямо на меня. Секунда отчаяния.

У соседнего корпуса стоит маленькая лестница, оставленная с вечера мастерами.

Бегу, хватаю, приставляю к стене, буквально переваливаюсь через забор и бегу, нет, лечу по саду. Вот и ограждение из колючей проволоки. Отталкиваюсь и перелетаю через ограждение. Откуда взялись такие способности и силы, трудно сказать.

Бегу в сторону Люстдорфа, в сторону дачи Ковалевского, куда-то туда, подальше от города, от трамвайных линий, где меня будут искать гардианы. Бегу по незнакомым местам. Давно съедена припасенная пайка хлеба. Хочется пить. Уже совсем рассвело. На дорогах люди, телеги и даже попадаются автомашины. Стараюсь идти по обочинам. Бежать уже не могу. Недалеко от дороги кусты; над ними дымок. Пацаны сидят вокруг костра. Видно просидели всю ночь. Подхожу.

- Ха, привет, ты с зоны. Сбёг?

- Ага!

- Есть хочешь? Получаю качан варенной кукурузы. Ем с трудом. Не хватает зубов.

- И куда ты?

- Надо в город. Да боюсь.

Вижу, что пацаны классные, наши. Рассказываю, что по дороге могут перехватить. Старшему пацану лет 15 - 16. Видно, он и есть заводила компании. Он и обещает мне помочь.

- Мой батя собрался в город, попрошу его, чтоб взял тебя.

- А не побоится?

- Не побоится. Он же немец и отчаянный мужик. А ты пока покемарь под кустом. Часа через два меня будят. Здоровенный широкий дядька сидит на пне и смотрит на меня недоверчиво.

- Ты кто? Жид или беглый урка?

Я молчу.

- Ну, ладно, черт с тобой, поедем в Одессу. Меня Петром зовут. На самом деле я Петер. Но больно много руссаков соседей, вот они меня Петром и прозвали. Выезжаем через час-полтора. Я прощаюсь с хорошими пацанами. Пароконная телега с высокими бортами похожа на румынскую каруцу. Я лежу на соломе, с головой укрытый какой-то большой тканью. Едем не спеша. Картины недавнего прошлого опять всплывают в памяти.

Гетто

Мы с Ленчиком в гетто на Слободке. Ежедневно в гетто пригоняют длинные колонны евреев. Одновременно людей гонят «в неизвестном направлении». Но до нас дошли слухи, что гонят в Богдановку, а там убивают. В зиму 1941-42 г. стояли страшные морозы, более 30°. Я еле хожу на отмороженных ногах. Хорошо, что у нас есть приют: маленький домик в центре Слободки.

Наша хозяйка - тетя Лида, или Лидия Кирилловна, женщина лет сорока, а может быть больше или меньше: ее лицо трудно увидеть, она все время прикрывается платком, косынкой или шарфиком.

Муж ее воюет в Красной Армии. Когда она узнала, что её заставят принимать евреев у себя дома, решила сама пойти и выбрать «поприличнее», не дожидаясь прихода жандармов. Выбрала она Лёнчика, а нас заодно с ним. За день

до нас она выбрала ещё одну семью: адвоката с женой и дочкой. Кроме того, вместе с ней в комнате находилась Софа - одинокая еврейка, не молодая и не старая, но очень худая и измученная. Типичная «доходяга». Выяснилось, что у Софы есть комната в доме номер тридцать по улице Толстого, хорошо знакомом Лёнчику, поскольку там живут его друзья, а сам дом находится рядом с моей школой.

Софу привели под конвоем. Видно, что ей очень плохо. Она говорит, что желает себе смерти, но очень хочет видеть, как кончится война и как «мамалыжники» будут «драпать».

Начались облавы. Солдаты окружают участок Слободки, выгоняют евреев из домов, собирают их в колонны и гонят в «неизвестном направлении».

Каждый день мы с Лёнчиком встаем в темноте. Тетя Лида кипятит воду. Это всё, чем она может помочь нам. Замерзшие и промокшие, бродим мы по Слободке, избегая, даже в отдалении, попасться жандармам на глаза, прячемся за дома, за заснеженные кусты, лежим в заснеженных канавах до окончания облавы. Лёнчик стал изворотливым и хитрым, и всякий раз, когда слышим шум назревающей облавы, мы успеваем далеко уйти за её пределы.

Мы бродим по самым дальним улочкам Слободки. Лёнчик хочет хорошо изучить наш «загон».

От города Слободка отделена железнодорожной насыпью. Несколько дорог, идущих в город, пересекают насыпь под мостовыми переходами.

Со стороны «поля» вкопаны деревянные столбы и устроены проволочные заграждения. Под мостами и у проволоки стоят часовые. По насыпи ходят парами патрули. Только со стороны Пересыпи нет ни патрулей, ни проволочных заграждений; здесь лед, покрытый толстым снежным одеялом. Где-то на Пересыпи взорвали дамбу, вода залила часть Слободки и замерзла. Здесь и домов значительно меньше. К тому же они затоплены и оставлены жителями.

Вечером подкрадываемся к дому через огороды. Всё тихо. Нас встречают тетя Лида и Софа, укрывшаяся на чердаке. Нет семьи адвоката.

На нашей улице тишина. В гетто стало намного меньше людей.

- Всё! - Ленчик настроен решительно, - уходим завтра. Кругом патрули. Пойдем к Пересыпи по льду.

На другой день с утра прячемся на чердаке и к вечеру выходим на улицу.

Тетя Лида дает Лёнчику сверток с мамалыгой. А Софа - ключи от своей комнаты.

Привычно идём глухими переулками. Проваливаемся по колено в глубокий снег. Идем медленно, долго. Наконец вижу под ногами темный лед. Чем дальше, тем ниже дома, тем глубже они стоят в воде. И вот место, где ветер очистил лед от снега. Блестящий ледяной покров у меня под ногами на уровне подоконника ближайшего дома. Предательски греет февральское солнце. Лед слегка потрескивает под ногами. От страха провалиться у меня дрожат коленки. Я не могу шевельнуться. Из-под ног ползут трещины.

- Ну, иди же, пацан! - кричит Лёнчик.

Я еле передвигаю ноги. Шаг за шагом «ползем» мы по льду. Наконец «суша». Темнеет. Впереди железнодорожный мост. За мостом желанный город. Под мостом патруль.

- Может быть, здесь часовые не так строги. Это все же Пересыпь, а не Слободка.

- Подождем, пока сильно стемнеет, - говорит Лёнчик, чтобы у них не было охоты заглядывать в паспорт. Помни, идем смело, весело. Даст бог, не спросят паспорт.

Мы ждем темноты и поглядываем издалека на часовых. Вот идут к мосту какие-то люди. Их не останавливают.

- Все, пошли и мы, - Лёнчик приобретает независимый вид.

Темно, какая уж тут проверка. Тем более, что очень многие румынские солдаты неграмотны.

Нас не останавливают. Мы в городе! В нашем родном городе. Неужели нам не помогут родные стены, родные камни.

На улицах темно и тихо. Комендантский час. Мы прижались к стене дома на улице Толстого. В воротах дежурят женщины. Слышим их тихий разговор. Молча мерзнем в надежде, что отойдут от ворот. В конце концов они отходят и идут прогуляться вдоль фасада в сторону, противоположную от нас. Быстро приближаемся к воротам и проскакиваем в калитку. Несколько шагов - и мы в парадной. Лёнчик точно выполняет инструкцию Софы, и мы оказываемся в маленькой, до звона выстуженной комнате. Располагаемся беззвучно в абсолютной темноте. На себя кладем все, что способно заменить одеяло. Ночь полна сонного бреда и дрожи в зубах. Утром не можем встать: мокрые ботинки, и мои и Лёнчика, замерзли и окаменели. Берем их в постель и обогреваем своим телом. Из-за этого лишаемся возможности выйти. Днем страшно попасть на глаза соседям. Лежим молча. Иногда разговариваем шепотом, укрывшись с головой, чтобы не услышали соседи. Жуем найденные в комнате куски мерзлого хлеба. Добываем воду, оттаивая под одеялом лед в банках, не особенно интересуясь его чистотой.

На следующее утро в темноте тихо выбираемся из квартиры.

- Ну, кабачок, давай разбегаться, чтобы не так бросалось в глаза людям. Ты уже большой, подумай, к кому можно сходить, чтобы не напугать и не обидеть. Я тоже поищу нам чего-нибудь поесть. Встречаемся здесь вечером, - так Лёнчик начал приучать меня к самостоятельности.

Наедине с Богом

Мои воспоминания прерваны тревожной остановкой. Пётр о чем-то беседовал с румынскими солдатами на смешанном языке. А я дрожал от страха в телеге. В город приехали ночью. Пётр вручил мне шмат хлеба, два яблока и оставил на Канатной улице. Ночь, улицы пустынные. Прижимаясь к стенам, перебежками бегу в сторону своей родной Кузнечной улицы. Надеюсь где-нибудь по дороге найти удобную нишу или закуток для ночлега. Вижу Дот. Их много на перекрестках. Мне уже приходилось ночевать в одном из Дот'ов на углу Херсонской и Преображенской улицы. Но это опасно. Дот'ы контролируются патрулями и дворниками.

Но выбора нет. Забираюсь в самый дальний угол, подальше от амбразур. Жуткий холод. Но усталость одолевает.

Внезапно сон слетает прочь.

Дзень, дзень - вдали стучат кованые сапоги патрулей.

Дзинь, дзинь, дзень - они всё ближе. Они обязательно фонариком просветят этот Дот. Они должны это делать. Дон, дон, дон - господи, спаси меня, если меня поймут, одними зубами не отделаюсь. Дан, дан, дан - стучат сапоги прямо по моей голове. О, господи, смилуйся надо мной, я готов просить у Господа прощения за все грехи моей 14-летней жизни, моя голова разрывается от горячей боли. Господи, если ты есть на свете..!

В глазах яркий свет и звон в ушах. Всё исчезло: нет серых камней Дот'а, нет амбразур. Нет страшной ночи. Мне всё безразлично...

Дон, дзень, дзинь... удаляются удары подкованных сапог. Лучь фонарика издали скользнул по амбразурам. Медленно прихожу в себя. Стою на коленях, прижавшись лбом к холодной каменной стене. Господи, благодарю тебя. Меня услышал Бог! Да, да, услышал. Он не позволил патрулям заглянуть в Дот. Обессиленный и заплаканный засыпаю на холодном полу.

Просыпаюсь от грубых толчков. Утро, светло. Надо мной с метелкой стоит злой человек. Догадываюсь - дворник ближайшего дома. Ему поручено следить за состоянием Дот'а. Он хватает меня за одежду, грозит сдать патрулям или полициям.

Только этого мне не хватало. Слишком много я пережил за эту ночь, чтобы испугаться какого-то дворника. Мне уже не 12 лет. Отталкиваю его и бегом на Новый базар. Это моё любимое поле. Здесь я как дома. Помогу разгрузить телегу - заработаю марку, подмету пол в бодеге - покормят супом. Отвернутся продавцы - стащу со стойки булку или стакан мацони...

Но сейчас я спешу в торговый ряд, где пожилые женщины торгуют старой одеждой. Быстро нахожу с ними общий язык, и вот, взамен моей, почти новой синей униформы получаю брючки на брительках, застёгивающиеся под коленями, светлую рубашечку, курточку и под смех столпившихся продавцов превращаюсь в школяра. Столпившиеся вокруг меня торговки легко определяют причину моего маскарада. В руки мне суют пустую нотную папку на тесемочках (для маскировки) и несколько марок «на пропитание».

Я «приличный» мальчик с нотной папкой в руках иду по городу. Нет, к вокзалу я не пойду. Это опять рисковать свободой. Но надо как-то жить. Решаю восстановить все знакомства и связи нашей семьи, с бывшими друзьями мамы, папы, Лёнчика, с бывшими соседями по дому, с моими товарищами по двору, по школе, со всеми, кто не имел пятой еврейской графы в паспорте, но в то же время не заразился антиеврейскими настроениями. А ведь некоторые заразились. Но о них не хочется вспоминать. Мои милые одноклассницы Валя Скрыник и Таня Ткачук подкармливали меня и прятали в подвале. Эдик Бэм научил меня зарабатывать небольшие деньги продажей газет. Это освободило меня от мыслей добывать себе пропитание воровством, как ранее. И о каком воровстве могла идти речь, если я был спасён божественной волей. В этом я не сомневался.

Вдохновленный добрым отношением друзей и знакомых, я отправился на улицу Кузнечную к развалинам нашего родного дома, в надежде встретить кого-нибудь из старых друзей или добрых соседей. И встретил. Виля, Вилик, Виллен - мой кореш по нашим детским заботам и затеям во дворе до его разрушения. Это он и его мама Вера Филипповна Бояковская активно помогали мне и Лёнчику в

первые дни оккупации города. Особенно в дни нашего побега из тюрьмы. Мы даже ночевали у них несколько дней. Вот и сейчас Вера Филипповна в их квартире на третьем этаже спрашивает меня о судьбе Лёнчика.

Рассказывая Вере Филипповне о Лёнчике, я опять тяжело погружаюсь в темную пучину «вчерашних» событий.

Лёнчик

Зима на редкость суровая, мы «живем» в комнате Софы в постоянном страхе. Жутко мерзнем. Я еле хожу. Лёнчик где-то добывает кусочки съедобного. Он постоянно думает о чём-то совсем не относящемся к нашему бедственному положению. Наконец он рассказывает мне, что за стенкой, в соседней парадной живет Ляля Яковлева, его соученица. И Лёнчик решил дать ей знать о себе.

Я так и не узнал, как он это сделал. Наверное, воспользовался тем, что у Яковлевых в квартире нет соседей.

И они встретились.

Днём, когда на этаже не было никого, в комнату Софы пришла Ляля. Боже мой, какая нарядная, красивая девушка! Мне кажется, что она сияет, как солнышко. И нет войны, голода, холода, не было ни тюрьмы, ни гетто.

Ляля держит Лёнчика за руку и говорит ему хорошие слова о надежде на будущее, о конце войны... и ещё что-то. Он стоит рядом с ней серый, заросший, потухший, в старом мятом пальто.

Вечером Лёнчик ушел к Ляле на день рождения.

Вернулся утром, чистый, подстриженный, в светлой чистой косоворотке с поясом, счастливый и грустный.

На празднике были одноклассники, друзья, соседи. Лёнчик был с ними, он был среди них... Никто не сказал ему «жидовская морда», никто не испугался его присутствия. Наоборот, одноклассники, почти каждый в отдельности, тихонько обещали Лёнчику помощь. И всё-таки он был другой... Но, главное, среди гостей была Лялина тетя, Кудрявцева Александра Ивановна, с дочерью Леной, ровесницей Ляли. Это она в конце вечера сказала Лёнчику, что после этого праздника все узнают про евреев, прячущихся в квартире Софы.

Поэтому нам лучше перебраться к ней, в другой флигель, где есть выход на улицу, минуя двор.

И мы перебираемся. Нам это легко, поскольку у нас ничего нет.

Только сложность в том, что днем оставаться в комнате нельзя, а ходить я уже не могу.

Решили, что Лёнчик по утрам будет уходить, а я, маленький незаметный пацан, так и буду лежать на матрасе, на правах племянника.

Днем Лёнчик ушел за советом и помощью к Нине Ардельяно на работу.

Нина Ардельяно, наша советская итальянка, хорошо знала и любила нашу маму. Работала с ней в одном предприятии. Поскольку она итальянка, ее заставили «работать на союзников». Она пыталась помочь нам. Благодаря ей я оказался на подпольной квартире за пределами Слободки. Здесь собирались коммунисты и комсомольцы, обсуждая разные планы сопротивления. В тайне от всех, и в том числе от них, меня держали в маленьком закутке, где в течение месяца лечили мои отмороженные ноги и уши. Я ничего за этот месяц не узнал о Лёнчике. И когда

Галя сказала, что я здоров, и она больше не может держать меня, я бросился искать Лёнчика. Я нашел Александру Ивановну. Это она рассказала мне со слов очевидцев, что однажды в апреле по нашей Кузнечной улице румыны вели молодого еврея и били его прикладами. Моего худенького, интеллигентного брата били прикладами. Так погиб Лёнчик. Ему трудно было скрываться, его выдавала яркая еврейская внешность. Это всё, что я узнал о Лёнчике и рассказал Вере Филипповне.

Мы с Вилей коммерсанты. Торгуем чем попало. Но в основном игральными картами и сигаретами. Здесь на перекрестке Екатерининской и Дерибасовской полно юных торгашей. Но еще 7 - 8 дней ... и в городе наступает тревожная тишина. Не видно румынских солдат. Власть перешла к германской администрации, порт бомбят советские самолеты. Мы ночуем в подвале. Слышны взрывы, пулеметные и автоматные очереди. К утру бой стихает. И мы засыпаем, кто лежа, кто сидя, кто как сумел.

День свободы

Утро 10 апреля 1944 года.

Просыпаюсь с трудом. В подвале пусто. Ни шума, ни стрельбы.

Быстрее, во двор, ворота настезж... на улицу...

Ах, какая погода: солнышко, голубое небо и белые облака... На улице люди, люди... Бегу на нашу главную улицу, на Тираспольскую.

Первое, что вижу - идут пожилые женщины, взявшись за руки; наверное человек 7 - 8 или больше, все в ряд. Смеются, плачут и поют. Да, поют.

Люди поздравляют друг друга.

Христос Воскресе! Пасха!

Праздник. На тротуаре сидят солдаты... Наши, советские! Их много. Они расположились группами до самого угла и дальше.

Наши, наши! Я бегу во двор и кричу: «Наши пришли»

Радость, бурная, густая, горячая, перехватывает горло.

Наши, наши! Мы опять советские!

Я жив! Слышите, я жив! На зло фашистам.

Я прошел все, тюрьму и гетто, колонию и приют, я побывал едва ли не во всех полицейских участках, меня унижали, били, выбили мне зубы..., но я жив. Жив!

Я не могу опомниться от счастья!

Во дворе соседи поздравляют меня так, как будто это только мой праздник. Поздравляют все: и те, кто явно сочувствовал мне, и те, кто делал вид, что меня не замечает. Вот и вполне симпатичный мужик - сосед-каблучник впервые обратился ко мне: «Ну что, хоть морда в крови, но наша взяла!»

Я отвечаю всем, пожимаю руки, смеюсь, что-то говорю и разве что не плачу.

С улицы во двор влетает Вилька.

- Альчик, скорее, бежим на табачку! Там кое-что есть!

Деловой парень мой кореш!

Бежим на табачную фабрику. Благо, она рядом. Там уже полно пацанов. В подвале в ящиках большие картонные коробки. В них маленькие коробочки, заполненные звёздочками.

Да, это те самые красные блестящие звездочки, что носят советские военные на фуражках и шапках.

Причём большие и маленькие, солдатские и командирские.

Какой клад! И это все пролежало здесь все время оккупации!

Набираем побольше коробок, больших и маленьких. Сначала домой, потом бегом на Тираспольскую, к нашим солдатам с полными карманами звездочек.

Солдаты, усталые, потрепанные, но веселые, в дранных выцветших гимнастерках, в ватниках, фуфайках, большинство в зимних шапках, а на шапках звездочки, вырезанные из консервных банок.

Ах, какое это наслаждение раздавать звездочки! Маленькие - солдатам на шапки, большие - командирам на фуражки.

А сколько женщин в военной форме! Им - в первую очередь.

Они окружают нас, тянут руки... и какие руки: грубые, обветренные мозолистые солдатские руки; нервные, худые, костистые командирские пальцы, нежные и сильные ладошки медсестер и санитарок. Как мне хочется целовать все эти руки! Но я кладу в них звездочки.

На Тираспольской улице идет строй военных девчонок. Они поют «Вставай, страна огромная». Я раньше не слышал этой песни. Она меня потрясает. Они все пришли, чтобы я жил.

И я буду жить.

Вечно.

Шиссель Александр Михайлович

Родился в 1930 году в Одессе.

Здесь же пережил войну и оккупацию Одессы
румыно-германскими войсками.

Прошел через тюрьму, гетто, детский лагерь, детдом.

После войны окончил горный техникум в Караганде и
Киевский политехнический институт по специальности
«Геология».

Защитил диссертацию. Кандидат геолого-
минералогических наук.

Работал в течение 40 лет в Казахстане и России.

Двое детей, двое внуков.

В настоящее время - житель Германии.

